

DOI: 10.17803/2542-2472.2021.17.1.105-112

## К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ОРИГИНАЛЬНОСТИ ИДЕЙ А. П. КУНИЦЫНА

**Берест Юлия**, адъюнкт-профессор исторического факультета Университета  
Западного Онтарио, PhD  
N 6A3K7, Канада, Лондон, Онтарио, ул. Ричмонд, д. 1151  
[jberest2@uwo.ca](mailto:jberest2@uwo.ca)

© Берест Ю., 2021

**Аннотация.** Статья посвящена идеям русского правоведа и просветителя Александра Петровича Куницына (1783–1840) в контексте интеллектуальных связей между Россией и Западом. Основное внимание уделено вопросу об интеллектуальной оригинальности А. П. Куницына как мыслителя. Данный вопрос является спорным как в западной, так и в отечественной литературе.

**Ключевые слова:** государство; право; политико-правовые взгляды; философия права; интеллектуальная история; кантианство; Запад; Россия; А. П. Куницын.

### THE INTELLECTUAL ORIGINALITY OF A. P. KUNITSYN IDEAS

**Yulia Berest**, PhD, Adjunct Professor, Faculty of History, University of Western Ontario  
N6A3K7, Canada, London, Ontario, Richmond St., 1151  
[jberest2@uwo.ca](mailto:jberest2@uwo.ca)

**Abstract.** The article is devoted to the ideas of the Russian jurist and educator Aleksandr Petrovich Kunitsyn (1783–1840) in the context of intellectual ties between Russia and the West. The main attention is paid to the issue of intellectual originality of A. P. Kunitsyn as a thinker. This issue is controversial in both Western and Russian literature.

**Keywords:** state, law, political and legal views, philosophy of law, intellectual history, Kantianism, West, Russia, A. P. Kunitsyn

Имя Александра Петровича Куницына хорошо известно в русской истории. Автор труда «Естественное право», учитель великого А. С. Пушкина в Царскосельском лицее, профессор права в Санкт-Петербургском университете, чья преподавательская карьера была преждевременно прекращена консервативными гонениями в 1821 г. — это общеизвестные факты из жизни А. П. Куницына. Однако вопрос об интеллектуальной оригинальности идей А. П. Куницына остается одним из спорных аспектов в истории изучения творчества русского правоведа. В конце XIX в. историк русского права Н. М. Коркунов сделал довольно категорический отзыв о работе А. П. Куницына «Естественное право» как о труде, который «талантливо изложил идеи Руссо и Канта, но не более того»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Коркунов Н. М. История философии права. СПб.: Типография Стасюлевича, 1898. С. 348.

В свое время советские ученые отдали дань преподавательскому вкладу А. П. Кунницына, сыгравшему важную роль в жизни великого русского поэта А. С. Пушкина. Было также отмечено влияние А. П. Кунницына на некоторых декабристов, которые слушали его курсы естественного права и политической экономии, однако в силу идеологических причин советские ученые очень мало внимания уделили исследованию интеллектуальных источников идей А. П. Кунницына и вопросу о том, насколько оригинальной была его работа «Естественное право». Важность его труда в истории развития русской мысли приуменьшалась, поскольку советские ученые не находили у А. П. Кунницына той степени политического радикализма, которая подняла бы значимость его идей. Он считался более «буржуазным» мыслителем, нежели его современники декабристы, да и сама наука естественного права расценивалась как «ненаучная», поскольку выводила права человека из «чистого разума», а «не из общественных отношений», как писал Ф. Н. Смирнов<sup>2</sup>. В этот же период в западной науке бытовал взгляд на А. П. Кунницына как на малооригинального мыслителя, который лишь популяризировал идеи западных философов в России<sup>3</sup>. Такая интерпретация была и остается весьма типичной в западной науке в контексте тематики «Россия — Запад»<sup>4</sup>.

В данной статье мы попытаемся осветить вопрос о степени интеллектуальной оригинальности А. П. Кунницына, присмотревшись внимательнее к тому, как он использовал и интерпретировал идеи Иммануила Канта. Философия И. Канта, с его концепцией моральной автономии и прав человека, основанных на принципе человеческого достоинства, послужила основным источником формирования нравственного и правоведческого учения А. П. Кунницына<sup>5</sup>. Однако, как показывает сравнительный текстовый анализ, А. П. Кунницын не просто популяризировал кантовские идеи, а творчески интерпретировал и дополнил их, придав им более либеральный и модернистский характер в духе либерального индивидуализма, во многом предвосхищая идеи классика либерализма середины XIX в. Джона Стюарта Милля.

Один из наиболее показательных примеров творческой интерпретации А. П. Кунницыным идей И. Канта — это раздел, посвященный институту семьи, правам супругов и детей. Именно этот раздел «Естественного права» особенно привлек внимание цензоров в 1821 г. и вызвал бурю возмущения со стороны Д. П. Рунича, который усмотрел во взглядах А. П. Кунницына идеи, противоречащие устоям семейных отношений<sup>6</sup>. Что же так возмутило Д. П. Рунича? А. П. Кунницын взял за основу идею И. Канта о том что брак является как бы «договором» между супругами, со взаимным обязательством уважать человеческое достоинство друг друга. В браке, согласно И. Канту, осуществляется «право мужчины и женщины (*ius personale*) приобретать друг друга в качестве лиц»<sup>7</sup>. На этом основании И. Кант категорически осудил полигамию, рассматривая отношения супругов в таких браках как противоречащие принципу равенства мужчины и женщины как человеческих существ. Примечательно, что И. Кант рассматривал брак прежде всего как «половое общение... т.е. соединение двух лиц разного рода ради пожизненного обладания половыми свойствами друг друга» с целью «рождения детей», а также сексуального наслаждения<sup>8</sup>. Поскольку И. Кант расценивал сексуальные отношения как

<sup>2</sup> Смирнов Ф. Н. Общественно-политические и правовые взгляды А. П. Кунницына. М., 1966. С. 19.

<sup>3</sup> См.: Hollingsworth B. A. P. Kunitsyn and the Social Movement in Russia under Alexander I // The Slavonic and East European Review 1964. No 100. С. 127 ; Raeff M. Filling the Gaps Between Radishchev and the Decembrists // Slavic Review. 1967. No 3. С. 410.

<sup>4</sup> Это касается не только А. П. Кунницына, но и многих других мыслителей России этого периода. См., например: Nemeth T. Kant in Imperial Russia. Cham : Springer, 2017. 389 p.

<sup>5</sup> См.: Berest J. The Emergence of Russian Liberalism: Alexander Kunitsyn in Context (1783–1840). New York : Palgrave Macmillan, 2011. 271 p.

<sup>6</sup> ИРЛИ. Ф. 263. Архив Д. П. Рунича. Оп. 3. Д. 12. Л. 29.

<sup>7</sup> Кант И. Метафизика нравов // Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 195.

<sup>8</sup> Кант И. Метафизика нравов. С. 192.

нечто животное в человеческой природе, в процессе которого человек нисходит из состояния «лица» в состояние «вещи», единственное, что компенсирует утрату человечности, — это законность брака и взаимное обязательство оставаться в браке. Для И. Канта немыслимо понятие развода, а также «наложничества» — то, что мы сейчас называем гражданским браком. Когда И. Кант писал, что в браке осуществляется «право мужчины и женщины приобретать друг друга в качестве лиц вещным образом», он имел в виду именно законное (и непременно взаимное) право сексуального обладания супругами друг другом<sup>9</sup>. Однако для И. Канта идея равенства супругов являлась формально-правовой, не изменяя в корне патриархальную традицию доминирования мужа над женой. Муж остается, как писал И. Кант, «господином... он приказывает, она повинуется». Это «не противоречит», согласно И. Канту, «равенству вступающих в брак»<sup>10</sup>.

А. П. Куницын тоже рассматривает брак как договор взаимобязующихся сторон, но в его трактате кантовская идея формального равенства супругов получает более либеральный, даже в некотором роде феминистический характер. Он сглаживает кантовскую аналогию приобретения супругами друг друга во владение. Мы находим у А. П. Куницына следующее определение брака: «Супружество есть союз между двумя лицами различного пола для исключительного сожития»<sup>11</sup>. В отличие от И. Канта, у А. П. Куницына понятие брака более широко и эмотивно. Он делает акцент на взаимности чувств и идее взаимопомощи. «В браке, — писал Куницын, — супружеская любовь есть первая и главнейшая должность супругов. Исключительная любовь требует взаимного вспоможения, особливо со стороны супруга, ибо он заключает союз общежития с существом слабым, следовательно требующим его помощи»<sup>12</sup>. Мы не находим у А. П. Куницына обращения к мужу как к «господину» по отношению к жене. В качестве одного из аспектов равноправия А. П. Куницын подчеркивал право свободного согласия обеих сторон при вступлении в брак. Надо заметить, что эта идея логически вытекает из кантовской концепции права, однако она не была высказана И. Кантом в прямой форме. А. П. Куницын же утверждал, что «поскольку каждый человек имеет право располагать собственным лицом, то никто не может заставить его вступить в супружество»<sup>13</sup>. В контексте семейных традиций начала XIX в. это была важная и прогрессивная мысль.

А. П. Куницын всецело разделял критическое отношение И. Канта к полигамии, но, сравнивая соответствующие цитаты у А. П. Куницына и у И. Канта, мы видим, что А. П. Куницын уделил этой проблеме больше внимания и гораздо более эмоционально выразил мысль о том, что полигамия угнетает человеческое достоинство женщины и попирает ее права. Мысль, которая у И. Канта выражена лишь мельком, в одном предложении, у А. П. Куницына развита более детально, с глубоким чувством гуманности и справедливости, которая была так характерна для него. А. П. Куницын писал: «Какое отвратительное зрелище распутства и скотского унижения представляют нам те народы, у которых в обычае многоженство! Целая половина рода человеческого там находится в самом гнусном порабощении у другой и почитается средством удовлетворения скотской страсти. Женский пол, находясь в столь униженном состоянии, не способен ни к каким благородным чувствам. По причине

<sup>9</sup> «...естественное использование [представителем] одного пола половых органов другого пола — это наслаждение, во имя которого одна сторона отдается другой. В этом акте человек сам обращает себя в вещь, что противоречит праву человечества по отношению к собственному лицу. Возможно же это лишь при одном условии: в то время как одно лицо приобретает, словно вещь, другое, это другое лицо, в свою очередь, приобретает первое; ведь только так оно снова обретает себя и восстанавливает свою личность» (Кант И. *Метафизика нравов*. С. 192).

<sup>10</sup> Кант И. *Метафизика нравов*. С. 194.

<sup>11</sup> Куницын А. П. *Право естественное // Русские просветители от Радищева до декабристов. Собрание произведений : в 2 т. М. : Мысль, 1966. Т. 2. С. 286.*

<sup>12</sup> Куницын А. П. *Указ. соч.* С. 289.

<sup>13</sup> Куницын А. П. *Указ. соч.* С. 286.

строгого надзора и тюремного заключения он жаждет распутства как единого блага, ему известного. Тайная ревность, сжигающая сердце каждой невольницы, служит обильным источником семейных беспорядков, которые может прекратить только сильная рука домашнего тирана»<sup>14</sup>.

Красочно описав таким образом унижительное положение женщин в полигамных браках, А. П. Куницын сделал еще одно важное дополнение к мысли И. Канта — он указал на незавидную жизнь детей, рожденных в полигамных браках. Окруженные атмосферой зависти, дети с малых лет познают аморальные чувства ненависти и злобы. Более того, по его мнению, дети в таких браках едва ли получают родительскую любовь и заботу: «Развратные родители, утомленные сладострастием, редко любят детей своих, но, напротив, весьма часто их ненавидят»<sup>15</sup>.

Относительно прав детей А. П. Куницын также подверг более гуманистической интерпретации формально-правовые идеи Канта. Согласно И. Канту, дети имеют «прирожденное (а не унаследованное) право на обеспечение со стороны родителей до того момента, когда они будут в состоянии сами себя содержать», поскольку они были произведены на свет родителями «самовольно», «без согласия» детей<sup>16</sup>. А. П. Куницын же развил эту идею, указав, в чем именно состоит право на обеспечение и (что еще более важно) где проходят границы власти родителей. А. П. Куницын писал: «Должность воспитывать детей включает в себя попечение о сохранении здоровья и жизни», а также, «попечение об усовершенствовании их телесных и умственных сил», что предполагает «нравственное воспитание»<sup>17</sup>. При этом А. П. Куницын сделал важную оговорку, которая опять-таки свидетельствует о его гуманизме и решимости выступать против патриархальных традиций в семье. А. П. Куницын писал, что воспитывать детей следует «не преступая потребной меры и не нарушая вышеупомянутой обязанности сохранять целостность их телесных сил»<sup>18</sup>. Иными словами, А. П. Куницын призывал быть умеренными и осторожными в применении телесных наказаний к детям. Как человек, который прошел школу семинарского воспитания, где, как известно, широко применялись телесные наказания<sup>19</sup>, А. П. Куницын стремился повлиять своими идеями на укоренившиеся методы воспитания. Примечательно, что А. П. Куницын акцентирует внимание на равенстве мужчины и женщины в качестве родителей: «Родители имеют равную должность воспитывать детей своих, поэтому и власть над детьми им равно принадлежит»<sup>20</sup>. Это было еще одно важное дополнение А. П. Куницына к идеям И. Канта.

А. П. Куницын также перенял идею И. Канта о том, что власть родителей над детьми не длится всю жизнь, а имеет временной предел. И. Кант выразил эту мысль следующим образом: «Всё это [власть родителей] до того времени, когда родители отпускают из-под своей власти детей (*emancipatio*), отказываясь от своего родительского права приказывать». В том же параграфе Кант сделал некоторую уступку более традиционному взгляду на право родителей «указывать детям их обязанности» «и по завершении воспитания»<sup>21</sup>. А. П. Куницын, однако, несколько иначе представил эту идею. В его формулировке внимание фокусируется не только на возрастной границе, когда дети становятся способны «содержать самих себя», но и на факте их взросления и приобретения ими самостоятельности как отдельной личности, способной направлять свою жизнь: «Следовательно, когда дети получают достаточные силы к труду и употреблению разума, при котором сами могут располагать

<sup>14</sup> Куницын А. П. Указ. соч. С. 287–288.

<sup>15</sup> Куницын А. П. Указ. соч. С. 288.

<sup>16</sup> Кант И. Метафизика нравов. С. 196.

<sup>17</sup> Куницын А. П. Указ. соч. С. 290.

<sup>18</sup> Куницын А. П. Указ. соч. С. 291.

<sup>19</sup> См.: *Belliustin I. S. Description of the Clergy in Rural Russia: the Memoir of a Nineteenth-century parish Priest* / ed. G. Freeze. Ithaca : Cornell University Press, 1985. P. 91–3.

<sup>20</sup> Куницын А. П. Указ. соч. С. 291.

<sup>21</sup> Кант И. Метафизика нравов. С. 197.

своими поступками, то они выходят из родительской власти, а родители перестают иметь должность их воспитывать»<sup>22</sup>. Любопытно, что А. П. Куницын не стал делать примечание относительно воспитательной роли родителей («указывать детям их обязанности», как выразился И. Кант) после наступления «совершеннолетия»<sup>23</sup>. Именно эти разделы работы А. П. Куницына особенно поразили Д. П. Рунича. Его возмутило, что, согласно А. П. Куницыну, «совершеннолетние дети ничем не обязаны своим родителям»<sup>24</sup>. Разумеется, А. П. Куницын никогда не пытался внушать пренебрежение к родителям, как это показалось Д. П. Руничу, но идея рассматривать совершеннолетних детей как автономных личностей была действительно смелой для своего времени, ведь и понятие личностной автономии как таковое еще только зарождалось. Более того, в той форме, в какой А. П. Куницын сформулировал свое утверждение, читатель мог интерпретировать его как высказывание в пользу равенства прав совершеннолетних детей обоего пола, что было крайне необычно для того времени, когда незамужние девушки находились полностью под властью отца, так же как замужние — под властью мужа. Неудивительно, что вывод Рунича звучал так категорично: книга профессора А. П. Куницына склоняется «к ниспровержению всех связей семейственных и государственных»<sup>25</sup>. Поскольку семья считалась репликой социально-политического устройства государства, с его принципом иерархичности и власти главы семьи, подобно монарху, становится понятно, почему Д. П. Рунич был так обеспокоен.

Другим интересным примером является попытка А. П. Куницына расширить кантовскую концепцию личного достоинства и личных прав. В современной литературе о И. Канте было замечено, что И. Кант не включил людей с умственными и физическими недостатками в свое понятие автономии и личных прав<sup>26</sup>. С сегодняшней точки зрения это существенный пробел, учитывая общую прогрессивность учения И. Канта. Удивительно, что А. П. Куницын осознал этот пробел и расширил кантовское понятие так, чтобы права инвалидов ничем не отличались от прав остальных людей. В главе «О качестве прав первоначальных» А. П. Куницын писал: «Права первоначальные принадлежат всем людям, ибо они основываются непосредственно на самой природе, которая у всех людей одинакова. Недостатки духовных и телесных сил не могут служить основанием к лишению кого-либо прав первоначальных...»<sup>27</sup>. А. П. Куницын понимал, что некоторые инвалиды не в состоянии воспользоваться своими правами (полностью или частично) ввиду умственной или физической неспособности, но он настаивал, что это не является причиной для лишения их прав, поскольку «природа человеческая» у всех одинакова. Человеческое достоинство, согласно А. П. Куницыну, — это качество, которое должно быть признано во всех людях без исключения. «По причине таковой неспособности человек не делается простой вещью», — писал А. П. Куницын. Он также указал, что в некоторых случаях «неспособность» является лишь временным явлением, то есть подразумевается, что человек, поправившись, снова обретет полную способность пользоваться своими правами. Ничего подобного мы не находим у И. Канта, хотя, казалось бы, всё в его этике, включая категорический императив, логически указывает на необходимость признать права инвалидов. В контексте начала XIX в. гуманистическая позиция А. П. Куницына являлась редким исключением. Некоторые исследователи обратили внимание на тот факт, что в России, в отличие от европейских стран, в этот период наблюдалось более гуманное отношение к людям с психическими

<sup>22</sup> Кант И. Метафизика нравов. С. 292.

<sup>23</sup> Кант И. Метафизика нравов. С. 197–198.

<sup>24</sup> Цит. по: Любавин М. А. Лицейские учителя Пушкина и их книги. СПб. : Сударыня, 1997. С. 41.

<sup>25</sup> Любавин М. А. Указ. соч. С. 45.

<sup>26</sup> Arneil B., Hirschmann N. J. Disability and Political Theory: An Introduction // Disability and Political Theory. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. P. 3–4 ; Pinheiro L. G. The Ablest Contract // Disability and Political Theory. P. 50.

<sup>27</sup> Куницын А. П. Указ. соч. С. 240.

расстройствами — возможно, потому, что в православии издавна существовало такое явление, как юродивые, отсутствующее в католичестве<sup>28</sup>. А. П. Куницын, как сын священника, несомненно, впитал этику православия. Однако в данном случае речь идет не только о христианском сострадании, но также о стремлении сформулировать философскую концепцию прав человека, гораздо более инклюзивную, чем у самого И. Канта.

А. П. Куницын также сделал более либеральные поправки в отношении кантовской идеи автономии человека. У И. Канта понятие автономии фокусируется на праве (которое также является и обязанностью) следовать закону разума. У А. П. Куницына это понятие расширено в область более конкретного права индивидуума так строить свою жизнь, чтобы понятие автономии вело к конкретному улучшению жизни человека согласно его вкусам и устремлениям. Глава «О праве достигать благополучия» свидетельствует о том, что А. П. Куницын испытал влияние утилитарной школы Иеремии Бентама, но, будучи не совсем согласным с редуктивной позицией Бентама, которая всё сводит исключительно к понятию пользы и удовольствия, А. П. Куницын соединил идеи И. Бентама и И. Канта о свободе. «Человек по своей чувственной природе желает приятного и отвращается от неприятного» — так, в духе И. Бентама, начинается глава «О благополучии», но затем А. П. Куницын добавляет: «Первоначальное назначение сего стремления есть сохранение бытия человеческого»<sup>29</sup>. Таким образом, А. П. Куницын не называет принцип удовольствия главным побудительным мотивом действий человека, как это делает И. Бентам. У А. П. Куницына это лишь принцип, лежащий в основе инстинкта самосохранения. Однако он подчеркивает, что «право на жизнь» подразумевает также «право на средства, служащие к поддержанию и услаждению оной». Далее А. П. Куницын писал, что «только сам человек может определить, что способствует его благополучию и что оному противно». Объясняя, как далеко распространяется это право, А. П. Куницын делает очень важную и оригинальную для своего времени оговорку: «Хотя он может заблуждаться в избрании того, что служит к поддержанию и услаждению его жизни, но никто другой не может управлять его действиями, ибо это значило бы лишить человека свободы, без которой всякое благо ничтожно»<sup>30</sup>. Подобная идея о праве человека самому определять образ жизни, даже если он заблуждается в своем выборе, была позднее высказана Джоном Стюартом Миллем в знаменитой работе «О свободе» (1859)<sup>31</sup>. Этой либеральной идеей А. П. Куницын предвосхитил Д. С. Милля почти на 30 лет. В самодержавной России, в условиях существования крепостного права утверждение А. П. Куницына о том, что «каждый человек имеет право избрать тот образ жизни и тот род занятий, который почитает сходным с собственным благополучием»<sup>32</sup>, звучало смело и либерально, усиливая политическую окраску идеи автономии, которая у И. Канта была высказана в более абстрактной форме. Неудивительно, что книга А. П. Куницына была запрещена и изъята из библиотек.

Таким образом, текстовый анализ-сравнение идей И. Канта и А. П. Куницына свидетельствует о значительной степени интеллектуальной оригинальности А. П. Куницына. Вопреки мнению о том, что он лишь популяризировал философские и правовые идеи И. Канта, можно утверждать, что А. П. Куницын привнес много нового в такие ключевые понятия, как брак и права супругов, права родителей по отношению к детям, а также права инвалидов, что особенно необычно для начала XIX в. Несмотря

<sup>28</sup> Brown J. Societal Responses to Mental Disorders // W. O. McCagg and Lewis Siegelbaum, eds. *The Disabled in the Soviet Union: past and Present, Theory and Practice*. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 1989. P. 34 ; Finger A. *Eugenics in the Soviet Union* // Ravi Malhotra, ed. *Disability Politics in a Global Economy*. London : Routledge, 2017. P. 203.

<sup>29</sup> Куницын А. П. Указ. соч. С. 238.

<sup>30</sup> Куницын А. П. Указ. соч. С. 238.

<sup>31</sup> См.: Mill J. S. *The Basic Writings of John Stuart Mill* / ed. J. B. Schneewind. New York : The Modern Library, 2002. P. 18.

<sup>32</sup> Mill J. S. Op. cit. P. 239.

на запрет книги в 1821 г. и исключение А. П. Куницына из Петербургского университета, его имя осталось известно широкой публике. Великий А. С. Пушкин с благодарностью помнил своего учителя:

*Куницыну дань сердца и вина!  
Он создал нас, он воспитал наш пламень,  
Поставлен им краеугольный камень,  
Им чистая лампада возжжена...*

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения : в 6 т. — М. : Мысль, 1965. — Т. 4. Ч. 1. — 478 с.
2. Коркунов Н. М. История философии права. — СПб. : Типография Стасюлевича, 1898. — 510 с.
3. Куницын А. П. Право естественное // Русские просветители от Радищева до декабристов. Собрание произведений : в 2 т. — М. : Мысль, 1966. — Т. 2. — 475 с.
4. Любавин М. А. Лицейские учителя Пушкина и их книги. — СПб. : Сударыня, 1997. — 235 с.
5. Arneil B., Hirschmann N. J. Disability and Political Theory: An Introduction // Disability and Political Theory. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — P. 1-19.
6. Belliustin I. S. Description of the Clergy in Rural Russia: the Memoir of a Nineteenth-century parish Priest / ed. G. Freeze. — Ithaca : Cornell University Press, 1985. — 271 p.
7. Berest J. The Emergence of Russian Liberalism: Alexander Kunitsyn in Context (1783-1840). — New York : Palgrave Macmillan, 2011. — 264 с.
8. Brown J. Societal Responses to Mental Disorders // W. O. McCagg and Lewis Siegelbaum, eds. The Disabled in the Soviet Union: Past and Present, Theory and Practice. — Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 1989. — P. 13-37.
9. Finger A. The left Hand of Stalin: Eugenics in the Soviet Union // Ravi Malhotra, ed. Disability Politics in a Global Economy. — London : Routledge, 2017.
10. Hollingsworth B. A. P. Kunitsyn and the Social Movement in Russia under Alexander I // The Slavonic and East European Abstract. — 1964. — No 100. — P. 115-129.
11. Mill J. S. The Basic Writings of John Stuart Mill / ed. J. B. Schneewind. — New York : The Modern Library, 2002. — 400 p.
12. Nemeth T. Kant in Imperial Russia. — Cham : Springer, 2017. — 381 p.
13. Pinheiro L. G. The Ablest Contract // Disability and Political Theory. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — P. 43-78.
14. Raeff M. Filling the Gaps Between Radishchev and the Decembrists // Slavic Abstract. — 1967. — No 3. — P. 395-413.

## REFERENCES

1. Kant I. Metafizika нравов [Metaphysics of morals]. Works in 6 volumes. Vol. 4. Part 1. Moscow: Mysl Publ.; 1965 (In Russ.).
2. Korkunov NM. Istoriya filosofii prava [History of philosophy of law]. St. Petersburg: Stasyulevich's printing house; 1898 (In Russ.).
3. Kunitsyn AP. Pravo estestvennoe [Natural law]. In: Russian Enlighteners from Radishchev to the Decembrists. Collection of works in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl Publ.; 1966 (In Russ.).
4. Lyubavin MA. Litseyskie uchitelya Pushkina i ikh knigi [Lyceum teachers of Pushkin and their books]. St. Petersburg: Sudarynya Publishing House; 1997 (In Russ.).
5. Arneil B, Hirschmann NJ. Disability and Political Theory: An Introduction. In: Disability and Political Theory. Cambridge: Cambridge University Press; 2016.
6. Belliustin IS. Description of the Clergy in Rural Russia: the Memoir of a Nineteenth-century parish Priest. G. Freeze. Ithaca. Cornell University Press; 1985.

7. Berest J. The Emergence of Russian Liberalism: Alexander Kunitsyn in Context (1783–1840). New York: Palgrave Macmillan; 2011.
8. Brown J. Societal Responses to Mental Disorders. McCagg WO, Siegelbaum L, editors. The Disabled in the Soviet Union: Past and Present, Theory and Practice Pittsburgh: University of Pittsburgh Press; 1989.
9. Finger A. The left Hand of Stalin: Eugenics in the Soviet Union. In: Malhotra R, editor. Disability Politics in a Global Economy. London: Routledge; 2017.
10. Hollingsworth B AP. Kunitsyn and the Social Movement in Russia under Alexander I. The Slavonic and East European Abstract. 1964; 100:115-129.
11. Mill JS. The Basic Writings of John Stuart Mill. Schneewind JB, editor. New York: The Modern Library; 2002.
12. Nemeth T. Kant in Imperial Russia. Cham.: Springer; 2017.
13. Pinheiro LG. The Ablest Contract. In: Disability and Political Theory. Cambridge: Cambridge University Press; 2016.
14. Raeff M. Filling the Gaps Between Radishchev and the Decembrists. *Slavic Abstract*. 1967; 3:395-413.